

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 75–80

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 75–80
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIYE

Научная статья
УДК 327(410+100)|1920/1930|

Итальянская экспансия и реакция Великобритании в Средиземном море (1920–1930)

И. И. Шендрек

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шендрек Иван Иванович, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, ivanshendrick@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-7549-3589>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматривается политика Великобритании в Средиземноморском регионе в годы, предшествующие Второй итalo-эфиопской войне. Автор обращается к анализу британских экономических интересов в Средиземноморье и деятельности правительства в межвоенный период. Показано, что сравнительно мягкая позиция Великобритании по отношению к итальянской экспансии была продиктована экономическими и политическими обстоятельствами. Автор приходит к выводу о том, что Британская империя вобрала в себя колоссальное количество территорий, одновременно контролировать которые в условиях недостаточного финансирования было невозможно. Исходя из экономических обстоятельств, политическая элита Великобритании принесла интересы в Средиземноморском регионе в жертву укрепления позиций восточнее Суэцкого канала.

Ключевые слова: межвоенный период, британская внешняя политика, Итalo-эфиопская война, Средиземное море, Абиссинский кризис

Для цитирования: Шендрек И. И. Итальянская экспансия и реакция Великобритании в Средиземном море (1920–1930) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 75–80. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIYE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

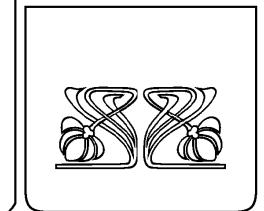
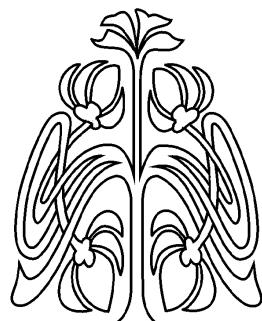
Italian expansion and British reaction in the Mediterranean (1920–1930)

I. I. Shendrik

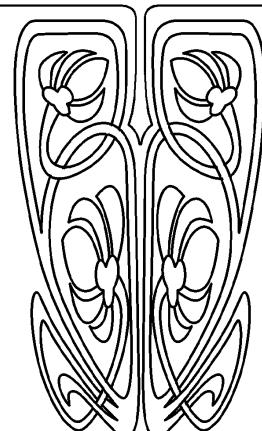
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ivan I. Shendrik, ivanshendrick@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7549-3589>, Author ID: 472830

Abstract. The article examines the policy of Great Britain in the Mediterranean region in the years preceding the Second Italo-Ethiopian War. The author turns to the analysis of British economic interests in the Mediterranean and the activities of the government in the interwar period. It is shown that the relatively soft position of Great Britain in relation to Italian expansion was dictated by economic and political circumstances. The author concludes that the British Empire absorbed a huge number of territories, at the same time it was impossible to control them in conditions of insufficient funding. Based on economic circumstances, the British political elite sacrificed interests in the Mediterranean region to strengthen its position east of the Suez Canal.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Keywords: interwar period, British foreign policy, Italo-Ethiopian War, Mediterranean Sea, Abyssinian crisis

For citation: Shendrik I. I. Italian expansion and British reaction in the Mediterranean (1920–1930). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 75–80 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIYE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для Великобритании проблема обеспечения безопасности своих обширных морских коммуникаций оставалась нерешённой вплоть до того момента, пока фашистская Италия, сначала скрыто, а затем и в открытой форме не заявила о своих притязаниях на территорию Восточного Средиземноморья [1, р. 152–153]. Британская политика, направленная на разрешение Средиземноморского кризиса, имела далеко идущие политические последствия и оказала непосредственное влияние на складывание политических блоков накануне Второй мировой войны.

Для большинства англичан Средиземноморье в 1920-е – начале 1930-х гг. было таким же, каким оно было до и во время Первой мировой войны. Гегемония Великобритании была обеспечена ее контролем над обоими основными выходами к морю: Гибралтаром на западе и Суэцем на востоке, через ее стратегическую военно-морскую базу на Мальте в центральном Средиземноморье и круглогодичным присутствием значительной части английского флота в ее водах. Более того, по условиям Лозаннского мирного договора исключительный контроль Турции над проливами был прекращен, и Адмиралтейство могло действовать в Черном море. На Ближнем Востоке Британия приобрела стратегическую глубину и резерв для обороны канала благодаря своему мандатному правлению в Палестине, и ее региональные интересы, казалось, хорошо охранялись мобильностью средиземноморского флота и сетью взаимоукрепляющих военных гарнизонов и авиабаз в Ираке, Палестине, Иордании и Египте. Британия доминировала на восточном побережье Красного моря благодаря своему политическому влиянию в Аравии и контролю над ключевой базой в Адене. никакая другая великкая держава со средиземноморскими устремлениями не могла сравняться с такой властью над командными высотами региона и его системой коммуникаций: Англия была средиземноморской державой, по преимуществу защищавшей статус-кво [2, р. 9].

1920-е и начало 1930-х гг. было тяжёлым временем для британских вооруженных сил: сокращение штатов в мирное время, бережливость кабинета министров и казначейства, перспектива разоружения – все это напрямую влияло на политику Великобритании в Средиземноморском регионе. Кроме того, военно-морской флот был намерен потратить все доступные средства, выделенные на имперскую оборону на свою базу в Сингапуре, стратегическом узле безопасности британских владений на Дальнем

Востоке. В этих обстоятельствах оборона Средиземноморья получила очень низкий приоритет, и серьезные недостатки были оставлены без внимания. Мальта, Гибралтар, Средиземноморский флот, Египет и все другие региональные интересы Великобритании были лишены средств противовоздушной обороны. Большинство военных кораблей, находившихся на вооружении флота, были устаревшими, не модернизированными и едва ли пригодными для несения военной службы. Вооруженные силы и военно-воздушные силы, находившиеся на Ближнем Востоке, были оснащены скорее для выполнения имперских полицейских функций, чем для стратегической обороны. Однако это не было чем-то исключительным: общемировые интересы и обязательства Великобритании намного превосходили ее военные возможности по их защите.

Летом 1935 г., когда было необходимо принимать решительные действия для предотвращения итальянской агрессии в Эфиопии, заместитель командующего Средиземноморским флотом вице-адмирал Чарльз Форбс признался британскому послу в Каире, что у его кораблей достаточно боеприпасов, чтобы стрелять в течение пятнадцати минут. Полковник Х. Р. Паунолл, военный помощник министра уголовного розыска, заявил: «Боеприпасов для зенитных орудий хватит только на одну неделю! Факт в том, что нас действительно застали со спущенными штанами. Недостатки в снабжении очень велики...» [3, р. 66].

Морис Хэнки, секретарь Кабинета министров и Комитета имперской обороны ещё в 1934 г. обвинял правительство в том, что оно не выделяло достаточного количества средств на вооружённые силы: «Они могут устраивать Недели военно-морского флота и воздушные демонстрации, но не могут выдержать крупную войну. У нас есть лишь видимость имперской обороны. Вся структура несостоятельна» [2, р. 10].

Еще одно измерение, угрожающее безопасности Средиземноморья проистекает из его уникальной географии и меняющегося технологического облика ведения войны. Узкие места Средиземноморского маршрута сделали судоходство в этих водах особенно уязвимым для действий подводных лодок, легких надводных судов и авиации. Энтузиасты современной воздушной и военно-морской техники даже в 1920-х гг. утверждали, что средиземноморская гегемония была устаревшим идеалом, относящимся к эпохе

морской мощи. В 1925 г. капитан Б. Х. Лиддел Гарт размышлял о том, что позже стало известно, как «Cape School strategy»: «Когда к доказанной угрозе подводной силы добавляется потенциальный эффект авианалета против судоходства в узких морях, британскому народу пора осознать тот факт, что в случае такой войны использовать Средиземноморье было бы невозможно, и от этой важной артерии пришлось бы отказаться. Таким образом, Суэцкий канал как стратегический актив потерял значительную часть своей ценности перед лицом современного развития военно-морского флота и авиации – ибо в такой войне мы должны быть вынуждены перекрыть средиземноморский маршрут и направить наши имперские коммуникации вокруг мыса Доброй Надежды» [4, р. 61].

Это была радикальная и крайне пессимистичная точка зрения – слишком пессимистичная, как показали последующие события, – и среди официальных стратегов только специалисты по планированию Министерства авиации разделяли ее вывод. В 1931 г. штаб BBC обратил внимание начальников служб на «масштабы угрозы нашим морским коммуникациям в Средиземном море, которая подразумевается развитием военно-воздушных сил Франции и Италии» [2, р. 11]. Судоходству пришлось бы эвакуироваться из Средиземного моря, а Мальта и Гибралтар были бы сомнительно полезны в случае войны с любой из этих держав. Еще в 1923 г. службы согласились с тем, что торговое судоходство не должно использовать средиземноморский маршрут в военное время, но в Адмиралтействе к мрачному прогнозу штаба BBC отнеслись скептически. Офицеры военно-морского флота в межвоенный период – среди них особенно выделялся Э. Чатфилд – все еще рассматривали воздушную мощь как неизвестный, недоказанный фактор и в целом занимали уверенное, даже высокомерное отношение к угрозе с воздуха [2, р. 11].

По словам Лиддел Гарта, подобное самоуспокоение было скорее актом веры, чем обоснованным суждением: «линкор уже давно был для адмирала тем же, чем собор для епископа» [5, р. 326]. Нерешенные военно-воздушные дебаты оказали свое влияние на решения в британской Средиземноморской политике.

Из-за отсутствия возможности наблюдать боевые действия с применением авиации, начальники штабов и их помощники по совместному планированию смогли сообщить правительству только то, что они расценивают воздушную угрозу морским коммуникациям и сооружениям как проблематичную. Отсутствие консенсуса между службами явилось одной из причин, по которой в межвоенные годы было сделано так мало для улучшения обороны главной средиземноморской военно-морской базы Великобритании на острове Мальта [2, р. 11].

В 1933 г. адмирал Уильям Фишер, командующий Средиземноморским флотом, поднял вопрос об усилении обороны баз, находящихся под его командованием, и особенно противовоздушной обороны Мальты. Он считал, что в случае войны флот будет использовать Мальту часто, если не постоянно. Военно-морской штаб согласился, но счел безнадежным просить денег на такую цель в то время. Поэтому все, что Фишер получил, это разочаровывающий ответ, что существуют «еще более серьезные оборонные обязательства в других местах». Под этой формулировкой, Адмиралтейство имело в виду главным образом Сингапур. Осенью 1933 г. Фишер вернулся к этому обвинению в личном письме, в котором говорил Чатфилду: «Я действительно считаю, что мы идем на неоправданный риск в отношении Мальты», и утверждал, что оборона этой ключевой позиции может быть приведена в порядок в течение двух – трех лет ценой всего лишь 150 000 фунтов стерлингов [6, р. 248].

Поскольку боевая служба в наибольшей степени зависела от безопасности в Средиземном море, Королевский флот занимал двойственную позицию к обороне этой имперской артерии. С одной стороны, Средиземное море было ценным полигоном для маневров и учений флота, отличным стратегическим центром для продвижения как на восток, так и на запад, а также жизненно важным кратчайшим путем в Индию и на Дальний Восток. Действуя в соответствии с тем, что на практике равнялось стандарту единой силы, военно-морской флот по-прежнему отвечал за защиту морской торговли и защиту британских интересов в двух полушариях. Основой имперской обороны в этих условиях была мобильность основного флота, его способность выходить из центральных вод в случае чрезвычайной ситуации и прибывать туда в боевом состоянии.

Оборона Сингапура и обширной восточной части Британской империи в значительной степени зависела от этой мобильности, поскольку правительство постановило, что обеспечение постоянного боевого флота на Дальнем Востоке выходит за рамки его возможностей. Средиземноморский маршрут Суэц – Красное море был, безусловно, самым коротким, скоростным и дешевым путем в Сингапур; соответственно, это был жизненно важный интерес британской военно-морской стратегии.

С другой стороны, сменявшие друг друга британские правительства и стратеги долгое время рассматривали Средиземноморье скорее как средство, нежели как цель [7, р. 1]. В межвоенной британской стратегии, по крайней мере до абиссинского кризиса, его основная роль заключалась в качестве тренировочного полигона для обороны Дальнего Востока.

В стратегической области проблемам, связанным с усилением Восточного флота и про-

хождением конвоев с военным подкреплением в Сингапур, уделялось большое внимание в 1920-х гг. Снова и снова военно-морской штаб готовил подробные планы на случай подобных непредвиденных обстоятельств. В качестве основного маршрута прохода Средиземное море, естественно, фигурирует в этих планах; и оно также сыграло роль в серии учений флота, проводившихся в его пределах с 1925 г. и далее, целью которых было изучение некоторых проблем обороны Дальнего Востока. Но вероятность реальной войны в Средиземном море никогда не принималась всерьез в период с 1919 по 1935 г.

В доабиссинский период Средиземноморье фигурировало в имперской оборонной политике как подчиненная система коммуникаций, роль которой заключалась в укреплении британской безопасности в районах, удаленных от сдерживающего влияния основного флота.

В основе этого набора стратегических приоритетов лежала экономическая и политическая логика. Как источник торговли, рынков, инвестиций и сырья Британская империя к востоку от Суэца имела гораздо большее значение, чем неразвитое и относительно бесперспективное Средиземноморье. Конечно, английский бизнес вкладывал значительные средства, например, в испанскую горнодобывающую промышленность, греческий государственный долг, египетский хлопок, компанию Суэцкого канала и ближневосточную нефть, но ни одно из этих предприятий, за исключением последнего, не имело такого фактического или потенциального значения, как капитал, вложенный в Индию, Бирму, Малайю, Ост-Индию и страну, которую Невилл Чемберлен однажды назвал самым перспективным рынком мира – Китай [2, р. 13].

Нефтяные скважины Ирана и Ирака и нефтяные терминалы в Хайфе и Триполи, конечно, представляли большую коммерческую и стратегическую ценность, но в межвоенные годы даже нефть представляла собой скорее потенциальное, чем реализованное богатство. В 1937 г. около 20% всего импорта нефти Британия получила из ближневосточных источников, но более 50% – из Венесуэлы, голландской Вест-Индии и США [8, р. 9–13]. Англия импортировала около 11% своих продуктов питания и сырья из стран Средиземноморья, но в основном это были товары не первой необходимости и замены. Все Средиземноморье покупало у Британии меньше, чем одна Индия, и даже этот рынок должен был сократиться в 1930-х гг., когда Германия взяла на себя экономическую жизнь Балкан. Отдельно стоит упомянуть о резком сокращении доходов от добычи нефти в 1932 г. Изменения были вызваны отходом Великобритании от золотого стандарта и падением продаж нефти, которое стало следствием мирового экономического кризиса [7, р. 107]. До 15% всего британского импорта, включая джут, олово, каучук, чай, масло и рис,

проходило через Суэцкий маршрут, но в крайнем случае их можно было перенаправить на Капский и Панамский пути [8, р. 249, 253].

Приоритеты британской стратегии также отражали обязательства правительства перед дальневосточными доминионами, Австралией и Новой Зеландией. На Имперской конференции 1923 г., состоявшейся после подписания Вашингтонских договоров и отмены англо-японского союза, Адмиралтейство представило доминионам свой план развития Сингапура в качестве ремонтной и топливной базы, ключевого элемента стратегии быстрого усиления Дальнего Востока. Конференция приняла к сведению заинтересованность восточных доминионов в создании базы в Сингапуре и необходимость обеспечения безопасного прохода по пути на Восток через Средиземное и Красное моря [2, р. 14].

С приходом консервативной администрации Стэнли Болдуина в 1924 г. реализация сингапурского проекта была возобновлена после недолгого блокирования кабинетом Рамсея Макдональда. С этого момента развитие и оборона Сингапура стали доминирующей темой военно-морской политики в межвоенный период, а также важнейшим звеном дипломатии внутри Содружества. И когда спустя десять лет канцлер казначейства Невилл Чемберлен попытался отложить строительство базы, чтобы сэкономить ресурсы для внутренней обороны, его проект был решительно отвергнут.

Незадолго до начала Средиземноморского кризиса Морис Хэнки совершил поездку по Доминионам, пытаясь выяснить у их правительств, продолжают ли они оказывать финансовую помощь для покрытия растущих расходов на имперскую оборону. Как Хэнки предупредил своих начальников перед отъездом, эта политика предполагала ужесточение обязательств Великобритании перед платящими доминионами, особенно перед австралийцами, поскольку любое ослабление решимости в вопросе о базе в Сингапуре подорвало бы сотрудничество Содружества в области военно-морской стратегии.

Сложившуюся ситуацию дополняло чувство бессилия, возникшее после дальневосточного кризиса 1931–1932 гг. – такая позиция объясняла довоенную решимость британцев удерживать ситуацию на Дальнем Востоке, даже если это требовало пойти на уступки, например, в Средиземном море. Это был ключ к системе приоритетов, которая характеризовала британскую стратегию с 1935 по 1939 г.

Упомянутые факторы не дают полного объяснения причин пренебрежения Великобританией собственной безопасностью, учитывая экономические, политические и стратегические интересы и обязательства Великобритании к востоку от Суэца. Такая ситуация наталкивает на вывод о том, что британское правительство, не встречая сопротивления в Средиземном море на протяжении

десятилетий, приняло стратегию самоуспокойния. Новая Турецкая республика была очевидным кандидатом на ревизионизм, но ее власть над Дарданеллами была ослаблена, и в любом случае она была озабочена внутренним развитием. Греция и Испания были слабыми и дружественными, поэтому только Франция и фашистская Италия могли считаться потенциальными соперниками средиземноморского статус-кво [2, р. 14]. Однако в 1933 г. даже эти две державы вместе с Америкой были исключены из числа стран, в отношении которых новый подкомитет по оборонным требованиям должен был разработать планы обороны и подготовительные мероприятия.

Учитывая беспокойство правительства в Европе и на Дальнем Востоке, решение игнорировать гипотезу войны в Средиземноморье было вполне понятным. Но оно также было сопряжено с риском, поскольку политические и дипломатические отношения средиземноморских держав были далеко не стабильными.

В первую очередь, британцы предприняли сознательную и последовательную попытку сформировать хорошие рабочие отношения с Италией. Это была политика, включавшая в себя значительную часть молчаливого согласия с империалистической программой Дуче. Политику средиземноморского умиротворения можно проследить до инцидента на Корфу в 1923 г., когда державы начали практику наказания жертв агрессии: Бомбардировка Корфу Муссолини была молчаливо одобрена, поскольку другие великие державы предприняли шаги, направленные против Греции [9, р. 75–76].

Дiplоматическая поддержка Муссолини Ло-карнских соглашений 1925 г. восхитила Чемберлена: Остин, как и его сводный брат Невилл, считал, что ключ к европейскому миру лежит в установлении прочного, рабочего соглашения между четырьмя великими державами – Англией, Францией, Германией и Италией, и дипломатические идеи Муссолини указывали в том же консервативном направлении. В этой концепции была заложена идея сфер влияния и ограниченного попустительства ревизионизму – хотя и за счет малых держав. Так, Остин Чемберлен уступил Италии Джаррабуб на египетско-ливийской границе, принял все претензии Муссолини на Албанию и заключил в 1927 г. важное соглашение, по которому две державы согласились соблюдать имперский статус-кво в регионе Красного моря.

Именно Остин Чемберлен, министр иностранных дел в консервативной администрации Болдуина в 1924–1929 гг., руководил настоящим расцветом англо-итальянского сотрудничества. Чемберлен разделял со многими английскими консерваторами определенную любовь к итальянским каникулам и дополняющую их идеологическую симпатию к стилю правления Муссолини: «Я уверен, что он патриот и искренний

человек; я доверяю его слову, когда оно дается, и я думаю, что мы могли бы легко зайти далеко, прежде чем найдем итальянца, с которым британскому правительству было бы так же легко работать» [10, р. 295–296]. Король Великобритании Георг V говорил об Италии, как о стране, находящейся «под мудрым управлением сильного лидера» [11, р. 77].

Важно отметить то, что ревизионистская внешняя политика Муссолини тщательно избегала прямого вызова средиземноморскому господству Англии. Большинство его грандиозных требований было направлено против Французской империи и против союзников Франции в Восточной Европе, особенно Югославии. Требования Италии об уступках в Северной Африке, ее поддержка сепаратизма в Югославии, ее дипломатическая политика на Адриатике и Балканах, а также ее настойчивое требование полного военно-морского паритета с Францией были штрихами франко-итальянского соперничества, представлявшего наибольшую опасность для стабильности Средиземноморья в период до абиссинского кризиса. Спор о военно-морских вооружениях – результат неуступчивости Италии и стремления Франции к безопасности наряду с британской осторожностью и американской изоляцией стал причиной краха системы контроля над военно-морскими вооружениями, созданной в Вашингтоне. Французы восприняли итальянский вызов очень серьезно и к началу 1930-х гг. изменили свои военные планы и стратегические диспозиции с учетом возможности войны в Средиземноморье [2, р. 16].

Весной 1935 г. британское правительство стремилось предотвратить принятие Францией и Италией решительных мер, направленных против Германии. Для этого необходимо было успокоить французов и итальянцев и создать впечатление солидарности, но политическое руководство Великобритании не воспринимало выработанные на Стрэзской конференции меры по сохранению Версальской системы как средство антигерманской политики или как постоянную черту европейской дипломатии [12, р. 108]. Возможно, именно это неуверенное отношение лежало в основе британского молчания по абиссинскому вопросу: если единственной ценностью Стрэзы было создание немедленного впечатления солидарности и если реальным мотивом Британии было сдерживание Франции и Италии, то более мудрым и безопасным курсом могло показаться игнорирование областей возможных трений в интересах видимого согласия. В любом случае, шанс был упущен, и с тех пор средиземноморского кризиса, вероятно, было не избежать. Своим молчанием и видимым безразличием к замыслам Муссолини в отношении Эфиопии британцы лишь подтолкнули Муссолини к принятию более жесткой, более несгибаемой линии [13, р. 221–224]. Вскоре после Стрэзы

итальянская политика по вопросу агрессии против Эфиопии достигла точки невозврата. С тех пор Муссолини двигался к вторжению так быстро, как только мог, полагая, что ничто в Европе не сможет встать на его пути [14, р. 31–32].

Объяснить позицию Великобритании в годы, предшествующие итало-эфиопской войне можно следующим образом: Ситуация на Ближнем Востоке также осложнялась созданием в 1932 г. королевства Саудовская Аравия. Лидер новоиспечённого государства Ибн Сауд открыто заявлял о своих притязаниях на территории стран-сателлитов Великобритании [15, р. 58]. В условиях прямой конфронтации с Италией для Саудовской Аравии открывалась возможность захвата побережья Персидского залива – главного нефтедобывающего региона на Ближнем Востоке.

Британская империя вобрала в себя колоссальное количество территорий, одновременно контролировать которые было невозможно. Необходимо было сделать выбор между стратегическими регионами. Средиземноморский рынок значительно уступал по своему объёму дальневосточному. Среди товаров, поступающих в Метрополию доминирующие позиции занимала иракская нефть. Однако, маршрут её поставок можно было изменить с увеличением стоимости логистики. Импорт, в котором Великобритании было бы отказано в случае войны – это импорт из стран Средиземноморья. Но большинство товаров из данного региона не являлись критически важными и могли быть заменены в случае такого исхода. В условиях слабого финансирования британских вооружённых сил на Мальте, в угоду усиления влияния на Дальнем Востоке, возможность прямого военного столкновения Великобритании и Италии в 1930-е гг. была крайне маловероятной.

Подводя итог, можно сказать, что экономические потери от войны в Средиземном море были бы хоть и не смертельными, но крайне болезненными для империи. Исходя из этой логики британское правительство шло на уступки, в частности, Италии с её растущими интересами,

тем самым подрывая стабильность в Средиземноморье и ставя себя в зависимое от региональных лидеров положение.

Список литературы

1. *Rochat G. Il Colonialismo Italiano.* Torino : Loescher Editore Torino, 1973. 224 p.
2. *Pratt L. R. East of Malta, west of Suez: Britain's Mediterranean crisis, 1936–1939.* Cambridge : Cambridge University Press, 1975. 215 p.
3. *Marder A. J. From the Dardanelles to Oran: Studies of the Royal Navy in war and peace, 1915–1940.* London : Oxford University Press, 1974. 301 p.
4. *Liddell Hart B. H. Paris, or the future of war.* New York : E. P. Dutton, 1925. 86 p.
5. *Liddell Hart B. H. Memoirs : in 2 vols.* New York : Putnam, 1965. Vol. 1. 434 p.
6. *Roskill S. Naval Policy Between the Wars: The Period of Reluctant Rearmament, 1930–1939 : in 2 vols.* New York : Walker, 1969. Vol. 2. 544 p.
7. *Monroe E. Britain's moment in the Middle East, 1914–1956.* Baltimore : Johns Hopkins Press, 1963. 254 p.
8. *Monroe E. The Mediterranean in politics.* London : Oxford University Press, 1938. 259 p.
9. *Clayton A. The British empire as a superpower, 1919–1939.* Athens : University of Georgia Press, 1986. 545 p.
10. *Petrie C. The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austen Chamberlain, K. G., P. C., M. P. : in 2 vols.* London : Cassell, Limited, 1940. Vol. 2. 432 p.
11. *Dugan J. Days of emperor and clown : The Italo-Ethiopian War, 1935–1936.* New York : Doubleday, 1973. 430 p.
12. *Lamb R. Mussolini and the British.* London : J. Murray, 1997. 392 p.
13. *Carr E. International relations since the peace treaties.* London : Macmillan and Company, 1937. 284 p.
14. *Mallett R. The Italian Navy and Fascist Expansionism, 1935–1940.* London : Routledge, 1999. 272 p.
15. *Rendel G. W. The sword and the olive: Recollections of diplomacy and the Foreign Service, 1913–1954.* London : J. Murray, 1957. 348 p.

Поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 07.05.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025